

УДК 165; 316.6

DOI: 10.5840/dspl20181215

## ПРАКТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА

**Касавин Илья Теодорович** – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, ул. Гагарина, д. 23; e-mail: itkasavin@gmail.com.

В данной работе анализируются практические истоки социального конструкционизма. Социальная конструкция определяется как функция совокупности социальных ролей. Делается вывод о том, что одним из истоков социального конструкционизма выступает непосредственная исследовательская деятельность психологов. Изучение индивидуального субъекта по самоотчетам приводит к формированию специфического набора текстов, в которых встречается объективированное описание психических состояний, но отсутствует субъект. В результате субъективность формулируется как функция отношений говорящего к произносимому, которая и конструирует ее содержание. Функция отношения к определенному набору высказываний может конструировать позиции в различных сообществах, в том числе и научных.

**Ключевые слова:** социальный конструкционизм, реализм, социальная психология, социальная конструкция, субъект.

## PRACTICAL ROOTS OF SOCIAL CONSTRUCTIONISM

**Ilya T. Kasavin** – DSc in Philosophy, professor, chair, correspondent member of the Russian Academy of Sciences. RAS Institute of Philosophy, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 23 Gagarina St., Nizhni Novgorod, 603022, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com.

This paper discusses the practical roots of social constructionism, interpreting a social construction as an aggregate of social roles. The author substantiates the argument that this theory partly results from psychological practices as such. The study of an individual subject self-report leads to the formation of a specific set of texts that contains objectified descriptions of mental states, yet not a subject. Consequently, the author defines subjectivity as a function of the speaker's relations to the spoken, what actually constructs its content. The function of the relation to a certain set of propositions can build up standpoints in a variety of communities, including scientific ones.

**Keywords:** social constructionism, realism, social psychology, social construction, the subject.

Социальные конструкционисты охотно ссылаются на М.М. Бахтина, как было упомянуто Еленой Олеговной Труфановой. У Бахтина есть такая фраза: «Всякий текст есть ответ на вопрос. То, что не является ответом на вопрос, лишено для меня смысла». («Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [Бахтин, 1979; с. 350, 367]). Так вот, мне бы хотелось понять, ответом на какой вопрос является концепция социального конструкционизма? То есть с кем, собственно, с каким направлением они полемизируют и что они тем самым пытаются понять и обосновать?

Нужно отметить, что доклад Е.О. Труфановой ставит много важных проблем, которые у нас обсуждаются и которые не всегда находят адекватные решения. Давайте начнем с простых вопросов и замечаний. Вернемся, к примеру, к первому слайду презентации. Я, к сожалению, вынужден констатировать, что здесь определение происходит через логический круг: социальная конструкция определяется исходя из социально сконструированных правил. Это меня не совсем устраивает. Консенсус, о котором Вы далее говорите, на мой взгляд, тоже не слишком удачный признак, поскольку содержит в себе элемент субъективизма. Поэтому я бы, реконструируя то, что Вы говорите, скорее, определил бы социальную конструкцию как функцию совокупности социальных ролей. В этом смысле это несколько более объективно, потому что социальная роль – это ключевое понятие социологии, и здесь социология подкрепляет социальную психологию. Но это не единственное мое расхождение с тем, что Вы говорили, хотя со многим я согласен. Насколько я понял, основную проблему и для Вас, и для многих сторонников и критиков социального конструкционизма представляет именно третий тип социальных конструкций, где смешано природное и социальное, и вот здесь, собственно говоря, гнездится проблема. Вы говорите: вот, есть несъедобное или съедобное от природы. Однако такие различия очень трудно провести, из них неустранима культурно-историческая составляющая. В дальнейшем Вы также сделали ремарку по поводу Б. Латура, что природу надо принимать всерьез, потому что «вещи дают сдачи». Латур, как мне представляется, не лучший здесь авторитет, потому что он автор «плоской онтологии», в которой никаких субъектов, никаких объектов самих по себе нет. Говоря о вещах, он вовсе не природу как таковую имеет в виду. Аргумент к Латуре не совсем, на мой взгляд, работает. Лучше к нему не прибегать, потому что Латур очень быстро эволюционирует. Он сам конструкция, он сам себя конструирует, проектирует непрерывно для того, чтобы вызывать ажиотаж. Я склонен полагать, что он как раз в большей степени сегодня придерживается этой самой онтологии, в которой ни о каком стабильном субъекте вообще говорить нельзя. Это чисто функциональная конструкция, даже не социальная, еще хуже, непонятно, какая. Я даже не знаю, кто его, собственно, конструирует, этого субъекта. У Латура вещи уже перестали давать сдачи – это

раньше, может, было. Он просто забыл написать такую статью – «Вещи перестали давать сдачи». Латур раньше был социальным конструкционистом, потом стал реалистом, а теперь – вообще неизвестно кем является. В действительности проблема и в самом деле сложная с третьим типом конструкций. В 2006 году один известный американский философ Пол Богосян, который работает в Нью-Йоркском университете на кафедре, где все столпы аналитической философии, включая Д. Чалмерса и т. д., написал книгу под названием «Страх знания. Против релятивизма и конструктивизма» (*Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism*) [Boghossian, 2006]. Есть объективность-то настоящая? Он приводит такой пример: известные планеты вращаются вокруг Солнца, и ничего с этим не поделаешь. Но дело в том, что если бы он это написал в 2007 году, то сделал бы поправку, потому что в 2006 статус планеты потерял Плутон, и оказалось, что самих по себе планет нет – есть нечто, которое мы называем небесными телами. Но для этого нужно понять, что такое небо, что такое тело, а, вообще-то говоря, есть нечто, неизвестно что. По большому счету, мы даже не можем сказать, что есть, потому что надо пояснить, что такое «есть». И если убрать все социальные конструкции под названием «слова», то у нас нет ни неба, ни небесных тел, ни планет, ничего, и Плутона, естественно, тоже нет, поскольку статус планеты, оказывается, присуждается решением астрономического сообщества. А если оно решило по-другому, то значит, не будет этого статуса, и конец. Однако здесь нельзя обвинять астрономов в том, что они социальные конструкционисты, – они ученые. Вот так наука развивается. Ничего с этим не поделаешь, и в этом смысле большой проблемой является жесткое разграничение между природным и социальным. В наивном познании – да, мы можем так рассуждать. Наивный реалист скажет однозначно, что есть природное, а что есть социальное. Но что если им займется какой-нибудь Сократ? Он немедленно развенчает все эти предрассудки.

Откуда растут теоретические, философские корни социального конструкционизма? Мне кажется, не из самой философии. Они растут из осмысления практики. С чем столкнулись психологи? Они долгое время изучали индивидуального субъекта по самоотчетам, которые записывали на магнитофон. Вот ведет разговор психолог с пациентом или с наблюдаемым; тот ему рассказывает о своих душевных состояниях, а он записывает. Потом, естественно, отдают машинистке. Мы получаем машинописную запись, и там написано: «Сегодня мне казалось, что мое сознание раздваивается» и так далее. Рано или поздно психологи поняли, что с такими текстами работать нельзя. Они слишком объективные. Там нет субъекта. А где достать субъекта? Оказывается, нужно ввести целый ряд индексов, коэффициентов, которые бы показывали душевное состояние человека в момент этого разговора: где он делает паузы, где он делает жесты, где он улыбается, хмурится и т. д. и т. п. То есть нормальная расшифровка в дискурсе-психологии будет не просто обычной машинописной записью, а записью с использованием

различного рода индексов, коэффициентов, пометок и т. д., которые указывают на эти контекстуальные переменные. Видеозапись не всегда можно сделать, да еще человек может потеряться перед аппаратом, который его записывает. Получается, что личность человека есть функции этих социальных переменных, потому что в тексте как бы явлен объективный ход вещей. Так говорится: вот есть субъект, есть объект, есть подлежащее, сказуемое, определение, дополнение и т. д. Но нет отношения человека к тому, что он говорит. И отсюда они сделали вывод: нам, собственно говоря, не так важно содержание – нам важно отношение, а отношение – это вещь, которая конструирует содержание. Вот в чем корни этой теоретической проблемы. Но она еще глубже, потому что в философии идет полемика не между социальными конструкционистами и реалистами, а между философами, которые занимают разные теоретические позиции. Дело-то в том, что едва ли возможно именно теоретически последовательно обосновать метафизический реализм, который утверждает, что есть некая объективность сама по себе, и ничего дальше не раскопашешь уже. Метафизический реализм – иное название для наивного реализма, т. е. нерerefлексивной, обыденной точки зрения, которая выдается за особую философию. Например, тот же самый Богосян говорит: вот фраза, которая отражает абсолютную истину – когда-то динозавры ходили по Земле. Разве можно это отрицать? Если особенно не раздумывать, то, конечно, отрицать нельзя. Когда же начинаешь думать, то выясняется, что на научный факт это не тянет, потому что «когда-то» – это ни о чем. Кто такие динозавры – это все время уточняется; определение динозавров до сих пор плывет. «Ходили по Земле» – знаете, некоторые летали, некоторые плавали, некоторые вообще не динозавры уже теперь. К примеру, считается теперь, что плавающих динозавров не существует и т. д. Таким образом, начинаешь раскапывать этот факт, и выясняется, что в нем масса конвенций, а в действительности это не просто конвенции – это функции отношений в научном сообществе. Именно они, а не реальность сама по себе, определяют наши научные положения и придают им, скажем так, относительную объективность. С точки зрения эпистемолога, реальность и объективность – это проекции научного исследования и коммуникации, а вовсе не метафизической или обыденной веры в реальность

### Список литературы

- Бахтин, 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Boghossian, 2006 – *Boghossian P.A.* Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism. N.Y.: Oxford University Press, 2006. 152 p.

**References**

Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art] / S.G. Bocharov (ed.). Moscow: Iskusstvo, 1979. 423 p. (In Russian)

Boghossian P.A. *Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism*. New York: Oxford University Press, 2006. 152 p.

*Поступила в редакцию 15.05.2018*